

DOI: 10.15372/HSS20180309
УДК 821.161.1–4:271.2"16"

Т.В. ПАНИЧ

ЕВФИМИЙ ЧУДОВСКИЙ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛИДЕР СООБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье в рамках проблемы «интеллектуального лидерства» рассматривается личность и литературная деятельность одного из представителей русской письменной культуры второй половины XVII в. – монаха Чудова монастыря Евфимия, принадлежавшего к творческому сообществу писателей из окружения патриарха. В качестве материала исследования использованы рукописи конца XVII в.: полемические произведения самого Евфимия Чудовского, тексты деятелей его круга, сочинения его идейных противников, содержащие отзывы о личности чудовского книжника. Выявляются основные качества, характеризующие Евфимия Чудовского как интеллектуального лидера. Сделан вывод о том, что сформулированные им в текстах идеи и ценностные установки составили основу культурной концепции сообщества писателей, к которому он принадлежал.

Ключевые слова: письменная культура XVII в., писатели патриаршего круга, Евфимий Чудовский, интеллектуальный лидер.

T.V. PANICH

EVFIMIY CHUDOVSKY AS AN INTELLECTUAL LEADER OF THE CHURCH WRITERS COMMUNITY IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The issue of “intellectual leadership” is particularly interesting among actual problems of the historical science and culture. In the context of the “intellectual leadership” problem the article investigates the personality and literary activity of Monk Evfimi of Chudov monastery, a representative of Russian written culture of the second half of the XVII century, who was involved into the creative community of writers from the Patriarch circle. The study objective is to establish the features of interpersonal relationships within the group of his associates, to reveal the features characterizing Evfimi as an intellectual leader, to determine the specifics of the writer’s ideological and spiritual influence on the milieu based on the analysis of Evfimi Chudovsky’s own texts and writings of his close authors.

Studying the materials reveals the main qualities characterizing Evfimi Chudovsky as an intellectual leader: intellect, erudition, profound knowledge in the field of book culture, organizational skills, a high level of social consciousness and responsibility, etc. The way of Evfimi Chudovsky’s effect on milieu was a word that had a large weight in the context of the writer’s polemic discourse. The texts of Evfimi and his contemporary testimonies show that the writer’s ideological influence was not only limited to the creative circle, to which he belonged and whose rights and interests he expressed and defended, it also extended to the broad masses of the population.

Each Evfimi’s work reflected his active participation in the discussion of the contemporary urgent problems; high emotional intensity of his statements in defense of Orthodoxy and traditional bases of national culture – all this influenced his surroundings. The main merit of Evfimi Chudovsky is that he reflected a complex of ideas and values that formed the basis of cultural concept of writers of his circle, the foundation for the group’s socio-cultural identity. All this characterizes Evfimi Chudovsky as an intellectual leader of the church writers’ community of the second half of the XVII century.

Key words: written culture, XVII century, writers of the patriarchal circle, Evfimi Chudovsky, intellectual leader.

*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00094а.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Institute of History SB RAS.

Гуманитарные исследования последних лет свидетельствуют о возрастающем интересе ученых к таким вопросам, как «персональная история», «историческая биография», «история интеллектуальных сообществ» [1, с. 287–324, 347]. С комплексом перечисленных проблем тесно связано и понятие «интеллектуальный лидер» в его историческом измерении: с его персональной биографией, личностными качествами, идеалами и социальными связями, влиянием на окружение, на формирование коллективной социокультурной идентичности. Очевидно, что влияние интеллектуальных лидеров как носителей и трансляторов определенных идей, ценностных установок и норм значительно возрастает в те эпохи, которые отличаются кризисными явлениями в области культуры и общественно-политической жизни государства, неизбежно влекущими за собой процессы их качественных преобразований. Таким периодом в истории России был XVII век. Перемены, происходившие в это время во всех сферах жизни русского общества, в том числе в культуре и литературе [2, с. 299–328; 3, с. 3–13; 4; 5] (вызванные сначала событиями Смуты, а позднее церковной реформой патриарха Никона, усилением западноевропейского влияния и развивавшихся процессов секуляризации), актуализировали деятельность разных общественных групп и их интеллектуальных лидеров, направленную на формирование их собственных взглядов на дальнейшее развитие социума и культуры, на решение проблемы идентичности.

Среди разных групп интеллектуальной среды второй половины XVII в. (главным образом творческих сообществ, презентующих себя в текстах), осуществлявших поиск и обоснование идей, касавшихся разных аспектов дальнейшего развития социальной, религиозной и культурной жизни, а также идентичности, немаловажное место занимала так называемая старомосковская партия – объединение церковных писателей, группировавшихся вокруг патриарха и представлявших литературу Патриаршего двора (Афанасий Холмогорский, Евфимий Чудовский, Игнатий Римский-Корсаков, иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин и др.).

Одним из видных деятелей этого круга был монах Чудова монастыря Евфимий – ученик и последователь Епифанія Славинецкого, духовный лидер и главный идеолог грекофилов. Изучению его творчества в контексте проблем «интеллектуального лидерства» посвящена настоящая статья. Цель работы – на основе анализа текстов этого писателя и рассмотрения межличностных контактов внутри сообщества выявить черты, указывающие на его интеллектуальное лидерство, определить особенности его идейного и духовного влияния на окружение. Это позволит глубже понять роль Евфимия в осмыслении происходивших во второй половине XVII в. культурно-исторических процессов и выработке тех идей, норм и ценностей, которые могли оказывать воздействие на формирование воззрений

церковных писателей его круга, на характер и вектор культурного развития, на становление социокультурной идентичности группы.

Евфимий Чудовский внес крупный вклад в русскую книжную культуру, оставил большое и разностороннее письменное наследие. Им было создано множество сочинений разных форм и содержания (богословского, церковно-канонического и филологического) [6, с. 41–161; 7, с. 287–296; 8, с. 695–698]. Евфимий известен и как автор стихов [5, с. 762–783]. Помимо создания собственных текстов (главным образом полемической направленности), Евфимий Чудовский много работал в качестве редактора и справщика на Московском печатном дворе. Он сыграл основополагающую роль в создании одной из ведущих школ в истории книжности Московской Руси – «чудовской школы» перевода с ее специфическими лингвистическими, культурными и религиозно-идеологическими установками, к которым относятся особая техника перевода, принципы комментирования текста, ориентация на греческий язык как основу и первообраз [9, с. 72–85; 10].

Будучи выразителем идей греко-византийской православной учености [11, с. 100–152], Евфимий Чудовский осуществил множество переводов святоотеческих и церковно-канонических текстов, оказавших воздействие на общественное сознание и развитие русской книжной культуры. Он переводил еще не известные на Руси (как он сам писал: «не бывшая доднесь») сочинения христианских писателей и богословов, приобщая читателей к византийскому письменному наследию. Осознавая значение текстов патристики и поздних византийских авторов в просвещении людей, «помрачившихся тьмою неведения», Евфимий рассматривал их и как мощное средство борьбы с противниками православия, способное противостоять натиску западных конфессий. Защите интересов Церкви и ее учения чудовский книжник посвятил всю свою энергию и знания. Тема борьбы за православие стала одной из ведущих тем его литературного творчества. Разносторонний и всеохватывающий характер книжной деятельности Евфимия Чудовского свидетельствует о таких качествах его личности, как высокий интеллект, словесное мастерство, организаторские способности.

Важной качественной составляющей личности Евфимия Чудовского, позволяющей говорить о нем как об интеллектуальном лидере, была его начитанность (в первую очередь, в области Священного Писания, патристики, церковно-канонической литературы), что создавало ему авторитет книжного знатока и значительно расширяло его возможности интеллектуального влияния на окружение. О начитанности Евфимия говорят его собственные сочинения, из которых следует, что он хорошо знал не только церковную литературу, но и тексты самого разного содержания, входившие в корпус древнерусской книжности, в том числе переводную литературу. О широте его культурных интересов свидетельствует библиотека писате-

ля¹, хотя и небольшая по объему², но разнообразная по составу. Большую ее часть составляли книги церковно-богословского содержания. Любопытно, что наряду с трудами православных церковных писателей (в том числе на греческом языке) в библиотеке Евфимия представлены книги латинских авторов («Латинская хронология» и Церковные анналы Цезаря Барония); полемическое сочинение украинского писателя Иоанникия Галытовского «*Alkora Machometow*» (Чернигов, 1683 г.), направленное против мусульман (в описи: «Алкоран Махометов»), и др. В состав библиотеки входили также словари, которые являлись для Евфимия необходимым инструментом в его переводческой работе. Например, в описи указаны два тома польско-латинского словаря, составленного польским писателем и лексикографом Григорием Кнапским (1564–1638), а также «Лексикон греко-славено-латинский» Елифания Славинецкого. Многие из материалов библиотеки использовались Евфимием не только для чтения, перевода или редактирования, но и в качестве источников при написании им собственных сочинений. Некоторые из них составляли предмет критики писателя. В целом библиотека Евфимия Чудовского отражает его культурные взгляды и книжные предпочтения [13, с. 84–91].

Благодаря широкой начитанности и искусному умению применять полученные знания в письменной полемике с представителями противоположного писательского лагеря, а также бескомпромиссной позиции в деле защиты православия Евфимий Чудовский приобрел большой авторитет и влияние в кругу грекофилов. При этом, как свидетельствуют современники писателя, он оставался простым монахом, всегда отвечал отказом на предложения (даже со стороны царя и Патриарха) принять архиерейскую степень. Иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин, единомышленник Евфимия, так писал по этому поводу: «Преходя бо жизнь сию, он, Евфимий, не токмо диаконский и презвитерский сан, яко искавый, не постиже, но и велепному архиерейству сану, находящу на того, благоговейно уступи. Дважды бо того благочестивейший царь Алексей Михайлович и святейший патриарх Ни-

кон яко честна монаха архиерейский сан понуждаху прияти. Но он, Евфимий, сам умоли тех благочестивая величества, да оставят его в простомонашеском сословии пребывати»³.

Идейное влияние Евфимия Чудовского не ограничивалось рамками творческого круга, к которому он принадлежал и интересы которого выражал и отстаивал, опираясь на собственный опыт и знания, но распространялось и на широкие массы населения. Это показало участие писателя в полемике о времени пресуществления Святых Даров на литургии, которая затронула не только духовенство. Прения велись и в среде простых мирян, прихожан церквей. Как сообщалось в книге «Щит веры» от имени патриарха Иоакима: «Начашася не токмо между священными, но и в простолудинех быти о том разграгольства»⁴. Евфимием в этот период были созданы несколько полемико-публицистических сочинений: «Показание на подверг латинского мудрования», «Опровержение латинского учения о времени пресуществления», сборник «Остен». Несколько текстов чудовский инок написал для книги «Щит веры», посвященной истории полемики (например, «Повесть о Сильвестре Медведеве»), подготовил Дополненную редакцию книги [14, с. 143–150, 165–176, 199–221], куда вошел ряд осуществленных им переводов византийских авторов. Организаторские усилия и труды Евфимия (вместе с сочинениями других писателей патриаршего круга) сыграли большую роль в борьбе с «хлебопоклонной ересью» и утверждении учения православной Церкви о времени пресуществления Святых Даров на литургии.

Лидерство Евфимия Чудовского проявлялось в том, что его интеллектуальная деятельность демонстрировала высокий уровень социального сознания и ответственности, готовности неустанно бороться с наступающими на православие угрозами. Единственным доступным для него способом борьбы было слово, которое в контексте полемического дискурса писателя приобретало значение эквивалента оружия, хотя и символического. В своем послании патриарху Адриану⁵ Евфимий называл «оружием» подготовленные им и другими авторами из его окружения книги для печати, среди которых значились сборники с говорящими названиями: «Остен», «Щит веры», «Сечиво». Они, как полагал Евфимий Чудовский, должны были донести до читателей знание о врагах

¹ Представление о келейной библиотеке чудовского книжника дает опись, сделанная дьяком Иваном Вишняковым 8 июня 1705 г. Вскоре после кончины Евфимия. Впоследствии опись была опубликована А.Е. Викторовым. – См.: [12, с. 50–56].

² В описи значатся 113 единиц – манускрипты, печатные книги и рукописные «тетради» без переплета. Указанное число является весьма приблизительным, так как многие материалы библиотеки не всегда определены составителем каталога как отдельные единицы. Прежде всего, это касается некоторых непереплетенных книг и «тетрадей», составлявших набор случайно совмещенных разрозненных текстов, отмеченных в описи как единое целое. Необходимо учитывать, что в силу своей деятельности Евфимий имел доступ к собранию Патриаршего книгохранилища, а также книгам Печатного двора и не нуждался в богатой личной библиотеке. Важно иметь в виду и то, что численный состав библиотеки Евфимия при постоянной его работе в качестве переводчика и редактора, через руки которого прошло немало книг, не мог оставаться неизменным, он неизбежно менялся. Поэтому опись отражает лишь те книги, которые находились в келье чудовского инока на момент его кончины.

³ Библиотека Российской академии наук (БАН), П.1.В.7. Л. 9–9 об. (рукопись представляет сочинение иеродиакона Дамаскина «105 ответов Домецкому», написанное в 1704 г.).

⁴ Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 1570. Л. 60 об. Данный список представляет Основную редакцию «Щита веры».

⁵ Послание было включено в состав Дополненной редакции «Щита веры» (ГИМ, Синодальное собр., № 346, л. 5–10 об.). Опубликовано с сокращениями: [15, с. 497–502]. Полностью текст опубликован в: [14, с. 316–324]. Помимо данного списка Послания известны еще два: черновой автограф с правкой автора (ГИМ, Синодальное собрание, № 654, л. 3–9) и список конца XVII в. (РНБ, Собр. Погодина, № 1559, л. 74–80 об.).

православия, защитить православную Церковь и ее учение. Он писал: «За сими оружия Духа Святого, поражающая востающая на Церковь Христову, зовемая Щиты, Остны, Сечива, крушащая еретиков рога, возносящаяся на высоту, и не попускающая глаголати на православие неправду» (цит. по: [14, с. 318]). При этом книги должны были стать не только духовным оружием, крушащим «еретиков», но и просвещать людей, «помрачившихся тьмою неведения»: «Очеса слепых отверсти, и разум несмысленных светом воумления просветити, и ушесем глухих слово Божие внушити» (цит. по: [14, с. 321]).

Как всякий интеллектуальный лидер, исповедующий определенную систему ценностей и идеалов, Евфимий Чудовский встречал неприятие со стороны тех, кто выражал иные, иногда противоположные идейные и вероисповедные взгляды. Личность Евфимия и его литературные труды вызвали критику в стане его противников-латинофилов, писателей новых культурных взглядов, проводников западноевропейской образованности. Так, Симеон Полоцкий в ответ на негативный отзыв Евфимия Чудовского в адрес его «Псалтири рифмотворной» написал стихотворение «К гаждателю», где под именем Зоила подразумевался чудовский книжник [5, с. 97–98; 207–208]. Отрицательные оценки и даже оскорбления Евфимий получил и от перешедшего в католичество Петра Артемьева, который писал: «Уже лет с двадцат и болши, как выжил из ума сей Евфимий, и псовидне брехчет на восточную Христову церковь, злый сын на природную мать свою»⁶. В глазах Артемьева Евфимий выглядел неучем и доморощенным богословом. Обучавшийся в европейских учебных заведениях Артемьев высмеивал Евфимия, обвиняя в его невежестве. Он обращался к чудовскому книжнику с такими словами: «В которых академиях учился, разве за печью в углу, что сверчок или муха в щели, рцы ми, у которых ты богословцев учился?»⁷ Столь же нелестно о Евфимии Чудовском отзывался и архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Гавриил Домецкий, сторонник латинофилов в литературной борьбе конца XVII в. Он выражал крайнее удивление тому, насколько сильным было интеллектуальное и харизматическое влияние Евфимия на окружение в период евхаристических споров: «Удивлению достойно воистинну, како... Евфимий, монах простой, ни он диакон, ни поп, ни он учон, и далнее учение Псалтир, ни у него в словесех связно и складно что было, а взял силу таковую... и ослепил многих, иже к нему приложилися, аки к каковому богослову»⁸.

На основе этого отзыва можно сделать вывод о том, что Евфимий Чудовский, по-видимому, не обладал ораторскими способностями. Однако его лидерские качества заключались в другом: в искусстве убеждения с помощью письменного слова, а также в притягательности личности, духовной силе, глубине

знаний и огромном трудолюбии. Об этом свидетельствует иеродиакон Дамаскин в своих ответах Домецкому: «А еже глаголеши, яко у него в словесех несвязно и нескладно, мню, яко ты толико ложных сих и подобных тем тетрапей не составил еси, елико он, Евфимий, о истинне потрудися, от греческаго бо во славенский диалект древних святых отец многи книги преведе, якоже нам видятя, яже суть Церкви святей нужнее и полезнее паче ваших авторств, в них же латинская лжа, а не святых отец истинное учение»⁹.

Евфимий отличался необыкновенной твердостью своих убеждений, верностью принятым однажды идеям и традиционным ценностям. Он всегда подчеркивал, что в своих сочинениях опирался на авторитет Священного Писания и святоотеческого наследия, оставался послушным, «искренним сыном» православной Церкви. Так, например, в обличительном «Ответе на лжущее писание Петра Артемьева» Евфимий писал: «Мое же ничто же пишу... А яже аз что-либо писах, не от мене самаго писах и не своею волею, но писах словеса и разумения святых отец, учителей и столпов святых Церкви: Василиа Великаго, Григория Богослова, Афанасия Великаго, Иоанна Златоустаго, Иоанна Дамаскина, Никиты Ираклийского – толкователя на святого Григория Богослова. И тая собирах и писах не своею волею, но повелен и принужден святейшим Иоакимом патриархом» (цит. по: [16, с. 236]).

Полемизируя с противниками и выстраивая систему аргументации в защиту ортодоксального учения, Евфимий обращался к «готовому слову» традиционной книжности, сохранял приверженность идейно-эстетическим принципам, веками господствовавшим в древнерусской культуре, анонимной по своей сути, где, по словам В.В. Бычкова, «художник осознавал себя искусным инструментом, направляемым соборным сознанием православной Церкви» [17, с. 228]. Как показывает анализ текстов Евфимия, они основаны на огромном массиве литературных источников (в том числе древнейших текстов христианской письменности). Привлекая тексты Священного Писания, труды авторитетных византийских богословов, церковных историков и полемистов, обличителей «латинства», Евфимий активно использовал их идеи и полемические приемы. И вместе с тем он проявлял свою авторскую индивидуальность и в работе с источниками, и в конструировании текста. Стиль полемических суждений писателя всегда отличался ярко выраженным эмоциональным накалом, а резко негативные обличительные оценки «врагов православия» были его излюбленным приемом. Важную функцию в сочинениях Евфимия выполняли примечания и комментарии на полях рукописей, которые являлись одним из часто использовавшихся писателем элементов его творческой стратегии, значимым принципом организации текста. Они выполняли функцию дополнительного способа авторского самовыражения, средства усиления аргументации в полемике с идейными противниками.

⁶ БАН, П.1.В.11, л. 65 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. П.1.В.7, л. 8 об. – 9.

⁹ Там же. Л. 9–9 об.

Активный книжный труд Евфимия как писателя, переводчика и редактора (во время работы на Печатном дворе) способствовал развитию его творческих связей (лично и путем переписки) с другими представителями круга грекофилов. Так, Евфимий состоял в переписке с Афанасием Холмогорским, который проявлял интерес к его творчеству. В библиотеке архиепископа были книги, полученные от Евфимия Чудовского¹⁰. О тесном творческом сотрудничестве и доверительных отношениях между ними свидетельствует, например, письмо Евфимия, в котором он рассказывал холмогорскому владыке о своей переводческой работе и препонах в этом деле, чинимых его недоброжелателями [18, с. 155–161]. Вместе они трудились и над книгой «Шит веры», в которой, как выше уже было отмечено, представлены и собственные сочинения чудовского инок, и плоды его переводческого творчества¹¹. К Евфимию Чудовскому как авторитетному собеседнику обращались и другие писатели из его окружения. О «духовном беседовании» с Евфимием упоминал, например, архимандрит Новоспасского монастыря (в будущем Сибирский митрополит) Игнатий (Римский-Корсаков) в Послании Афанасию Холмогорскому, повествующем о смерти патриарха Иоакима [19, с. 175–176]. Евфимия Чудовского уважали и ценили и оба патриарха (Иоаким и Адриан), в полной мере одобряли и поддерживали его как полемиста и переводчика, опирались на его помощь в делах Церкви, о чем писал иеродиакон Дамаскин: «Яко от начала каков был к нему милостив святейший Иоаким, таков был и до самой смерти своей. Подобне же Иоакиму патриарху и Адриан, святейший патриарх, от начала патриаршества и по самую смерть свою до Евфимия был милостив»¹².

Приведенные данные рукописных источников указывают на то, что Евфимий Чудовский в повседневной практике межличностных контактов и отношений внутри писательского сообщества, членом которого он был, и в своем творчестве проявлял специфические черты интеллектуального лидера. Главным ресурсом его влияния было слово, транслируемое в основном через письменную форму. Книжная деятельность Евфимия, его обширные знания в области церковной литературы и богословия, личностная привлекательность, незаурядные способности полемиста и поборника православия высоко ценились его окружением. Произведения писателя, отражавшие его активное участие в обсуждении актуальных проблем эпохи¹³,

озабоченность судьбой русской Церкви перед угрозой возрастающего влияния западных конфессий¹⁴; высокий эмоциональный накал его обличительных выступлений в адрес идейных антагонистов; многочисленные его высказывания в защиту православия как традиционной основы русской национальной жизни и культуры, – все это встречало поддержку со стороны писателей из его окружения, оказывало на них большое влияние. Для них, как и для Евфимия Чудовского, опора на традиции православия и культурное наследие прошлого являлась залогом сохранения вероисповедной и социокультурной идентичности.

Таким образом, Евфимий Чудовский сумел в своих текстах на основе осмысления культурно-исторических событий и процессов «переходной» эпохи выразить от имени церковных писателей его круга комплекс идей и ценностных установок, которые стали основой формирования культурной концепции данного творческого сообщества, что и характеризует его как интеллектуального лидера, одного из выдающихся деятелей русской культуры второй половины XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. Лихачев Д.С. XVII век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 299–328.
3. Буланин Д.М. Последнее столетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век, ч. 1. С. 3–13.
4. Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. 203 с.
5. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. 894 с.
6. Страхова О.Б. Литературная деятельность Евфимия Чудовского (Библиографические материалы) / *Paleoslavica*. 1995. Vol. 3. P. 41–161.
7. Исаченко-Лисовая Т.А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3: XVII век. Ч. 1. С. 287–296.
8. Буланин Д.М. Евфимий, келарь Чудова монастыря // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3: XVII век. Ч. 4: Дополнения. С. 695–698.
9. Исаченко Т.А. Переводная московская книжность. Митрополит и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009. 334 с.
10. Исаченко Т.А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в.: Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 383 с.

писан трактат в защиту греческого языка как основы образования: «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству...». Публикацию текста см.: [20, с. 244–261].

¹⁴ Евфимий в своих сочинениях всегда резко выступал против западного конфессионального влияния, уделял много внимания спорным богословским и обрядовым вопросам, составляющим различия между православной и католической церквями. Наиболее полное отражение проблематика межконфессиональных разногласий нашла в текстах, написанных им в связи с осуждением духовными властями Петра Артемьева и Григория Скибинского. Материалы составили отдельный сборник, черновые материалы для которого первоначально находились в библиотеке Евфимия [12, с. 55]. После смерти писателя тексты были переплетены. Ныне сборник входит в состав Синодального собрания ГИМ, № 393.

¹⁰ Например, Евфимием была прислана в Холмогоры рукопись переведенных им «Правил апостольских, собранных Климентом, папой Римским», о чем сообщает запись в начале книги: ГИМ, Синодальное собрание, № 474, л. 1 об.

¹¹ В составлении «Шита веры» принимали участие и другие писатели патриаршего круга (в состав книги вошли, например, тексты братьев Лихудов, некоторые сочинения, надписанные именами патриарха Иоакима и его преемника Адриана) [14, с. 5].

¹² БАН, П.1.V.7, л. 8–8 об.

¹³ Например, Евфимий Чудовский участвовал в решении вопроса о пути и характере русского просвещения и планах создания высшего учебного заведения в Москве. В связи с этим им был на-

11. Флоровский А.В. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве // *Slavia. Praha*, 1949. Т. 19. С. 100–152.

12. Виктор А.Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // *Летописи русской литературы и древности*, изд. Н.С. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5, отд. 3. С. 50–56.

13. Панич Т.В. Книги из библиотеки Евфимия Чудовского (опыт источниковедческого анализа) // *Книга: Сибирь–Евразия: Труды I Междунар. конгресса*. Новосибирск: Гос. публ. науч.-техн. б-ка СО РАН, 2016. Т. 2. С. 84–91.

14. Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.

15. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3.

16. Панич Т.В. «Ответ» Евфимия Чудовского на «лжущее писание» Петра Артемьева // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 222–243.

17. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica: в 2 т. М.; СПб., 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. 527 с.

18. Панич Т.В. Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому. К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII в. // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма*. Новосибирск, 1990. С. 155–161.

19. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // *Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации*. Новосибирск, 2013. С. 140–190.

20. Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. 288 с.

REFERENCES

1. Repina L.P. History at the turn of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)
2. Likhachev D.S. The 17th century in Russian literature. *XVII vek v mirovom literaturnom razvitii*. Moscow, 1969, pp. 299–328. (In Russ.)
3. Bulanin D.M. The last century of Old Russian booklore. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1992, iss. 3: XVII century, pt 1, pp. 3–13. (In Russ.)
4. Panchenko A.M. Russian culture on the eve of the Peter reforms. Leningrad, 1984, 203 p. (In Russ.)
5. Sazonova L.I. Literary culture of Russia. Early New Time. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)
6. Strakhova O.B. Literary activity of Evfimi Chudovsky (Bibliographic materials). *Paleoslavica*. 1995, vol. 3, pp. 41–161. (In Russ.)

7. Isachenko-Lisovaja T.A. Evfimi. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 1992, iss. 3: XVII century, pt 1, pp. 287–296. (In Russ.)

8. Bulanin D.M. Evfimi, the cellar of the Chudov monastery. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. St. Petersburg, 2004, iss. 3: XVII century, pt 4: Additions, pp. 695–698. (In Russ.)

9. Isachenko T.A. Translated Moscow booklore. Metropolitan and patriarchal scriptorium of the XV–XVII centuries. Moscow, 2009, 334 p. (In Russ.)

10. Isachenko T.A. Faith and resistance in the answers and reproofs of the 80–90s of the XVII century: New Bible translations in the philological schools of the XVII century. Moscow, 2015, 383 p. (In Russ.)

11. Florovsky A.V. Chudov's monk Evfimi: One of the last champions of the «Greek doctrine» in Moscow. *Slavia. Praha*, 1949, vol. 19, pp. 100–152. (In Russ.)

12. Viktor A.E. Inventory of the library of Hieromonk Evfimi. *Letopisi russkoy literatury i drevnosti, izd. N.S. Tikhonravovym*. Moscow, 1863, vol. 5, pt. 3, pp. 50–56. (In Russ.)

13. Panich T.V. Books from the library of Evfimi Chudovsky (experience sources of analysis of the nature). *Kniga: Sibir' – Evraziya. Tруды I Mezhdunarodnogo kongressa*. Novosibirsk, State. pub. scientific-techn. library SB RAS, 2016, vol. 2, pp. 84–91. (In Russ.)

14. Panich T.V. The book «Shield of Faith» in the historical and literary context of the late 17th century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)

15. Gorsky A.V., Nevostruyev K.I. Description of the Slavonic manuscripts of the Moscow Synodal Library. Moscow, 1862, pt. 2, iss. 3. (In Russ.)

16. Panich T.V. «Response» by Evfimi Chudovsky to the «lying writing» of Peter Artemyev. *Obschestvennoye sosnanie i literatura XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2001, pp. 222–243. (In Russ.)

17. Bychkov V.V. 2000 years of Christian culture sub specie aesthetica: in 2 vols. St. Petersburg, 1999, vol. 2: The Slavic World. Ancient Russia. Russia, 527 p. (In Russ.)

18. Panich T.V. A letter from Evfimi Chudovsky to Athanasius Kholmogorsky. To the question of Afanasy's participation in the translations of the late 17th century. *Obschestvennoye soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 155–161. (In Russ.)

19. Panich T.V. The life of Patriarch Joachim on the list of the RSL, the collection of I.D. Belyaeva, no. 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)

20. Fonkich B.L. Greco-Slavic schools in Moscow in the XVII century. Moscow, 2009, 288 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.06.2018